Глава 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ

Факт есть факт, я был пионером в восьмидесятые. Но не только пионером, ещё помню октябрёнком весь срок отчалился, а полутора лет от роду был крещён в православную веру.

Крестили меня дома у прабабки, на улице Большой Зеленина, на Петроградской стороне. Мне всё происходящее не нравилось, и я, обычно спокойный, разбушевался и не хотел лезть в эмалированный тазик, в который толстенный бородатый дядька вылил бутылёк со святой водой, расставив по краям свечки. Было страшно обжечься, и к тому же там было ещё несколько детей, которые мне не внушали доверия. Я схватил попа сначала за крест, а потом за бороду и дёрнул так, что в руке остался клок его волос. Надо отдать ему должное, скрипнув зубами, он завершил процесс. Это стало главным семейным воспоминанием о моём крещении.

* * *

В пионеры-октябрята принимали по заслугам. Чтобы учился старательно, поведение было минимум «хор.», а лучше «прим.», чтобы уроки мира и политинформации готовил. Короче, с моим «неуд.» ловить было особенно нечего. К тому же так получилось, что я своему однокласснику первого сентября в первом же классе перед первым в жизни класса уроком мира разбил нос в кровь. Цветы, белые переднички девочек, мальчики в белых рубашках и кровь на чистых белых платочках одноклассниц, которые они тянули Серёже. С Серёгой мы потом подружились, он тоже оказался порядочным говнюком, но меня учителя как-то сразу невзлюбили.

В октябрятах я-таки прибился к общему стаду, это, кажется, начало второго класса было. Отдельно на «Авроре» принимали только отличников, а общую массу — в школе через несколько месяцев, после летних каникул.

У меня в октябрятах было две главные проблемы. Все хорошие октябрята вели дневник наблюдений за природой, а я вечно на него, как, впрочем, и на все уроки, забивал — других дел много было. Но уроки, хоть как-то, я делал, а вот на наблюдения за природой совсем забил, что мне потом и аукнулось.

Вторая проблема открылась не сразу — у меня появилась привычка грызть октябрятский значок. Сначала я начинал грызть верхний кончик звёздочки, а когда он стачивался, я переходил на другие, планомерно подбираясь к золотокудрому изображению Владимира Ильича Ленина в детстве. Меня ругали, писали в дневнике замечания, но значки алюминиевые, стачивались довольно быстро.

Обычно вместо звёздочки мой октябрятский значок напоминал первый советский спутник, в иллюминаторе которого улыбался семилетний Ленин.

Пионеры были объединены в «звенья», а октябрята в «звёздочки», по принципу террористов-бомбистов народовольцев. Каждая «звёздочка-звено» каждую неделю делала какое-нибудь полезное дело: стенгазету, уборку класса, следила за растениями, собирала жёлуди для зоопарка, помогала ветеранам НКВД и т. п. Меня бросили в «культурно-массовый сектор»: я рисовал стенгазету, а точнее, опять же, звёздочки на ней, в которые преподаватель вписывал имена ребят и отмечал дежурных.

Основное воспоминание, оставшееся про октябрят, это первые в моей жизни линейки, на которых ветераны и пионервожатые говорили что-то бодро гнусавящими голосами, а дети стояли и смешно ёжились от желания пописать после домашнего завтрака. Октябрят не брали никуда: ни в Общество охраны памятников, ни в Общество друзей природы, надо было подняться до пионера.

* * *

В первый заход приёма в пионеры — в начале третьего класса я, естественно, не попал. Там шли дети комсомольских активистов, отличники с примерным поведением, всё было довольно жёстко. Отличников возили в Румянцевский дворец — Музей блокады, дарили им подарки как на Новый год и потом катали на экскурсию бесплатно, как хороших и нужных пионеров.

Основную биомассу принимали через полгода, поскромнее, на «Авроре», экскурсии к Цветку жизни и Вечный огонь на Пискарёвском кладбище были уже платными, и, о ужас, в основную группу я тоже не попал, оказался недостоин.

В пионеры я хотел, потому что октябрята, — это какой-то совсем уже лоховник для малолеток. Уже и подготовился, галстук купил, но из-за пустого дневника наблюдений за природой и испещрённого красными чернилами дневника наблюдений за моим поведением мне отказали в приёме даже во второй заход и вообще рекомендовали меня в колонию для малолетних преступников. Я расстроился и отказался носить октябрятский значок.

Поскольку приём в пионеры был строго обязательным, то нас, последних троих опездолов — Матвея, Егора и меня, принимали в начале четвёртого, прямо в классе, как нерадивых. Мероприятие больше походило на публичную выволочку, а не на торжественный день. Счастливые лица одноклассников в галстуках и мы — отщепенцы.

Привычка грызть октябрятский значок непринуждённо переместилась на пионерский галстук, пионерский значок был меньше и постоянно терялся в драках. К тому же я съездил в ЦПКиО — «Цыпочку», в клуб фалеристов и купил там за рубль значок с «Black Sabbath», и именно он дополнял вместо пионерского гарнитур с обгрызенным галстуком, исписанным названиями панк-групп. Пионерский галстук и особенно Black Sabbath вместо пионерского значка — думаю, в это время Дмитрий Медведев вступал в комсомол.

Heavy metal, тем не менее, мне не очень нравился, сразу потянуло на панк: «Кино», «Алиса», *Sex Pistols, The Cure, Joy Division, Bauhaus,* перестройка началась... Потом и на пионерский галстук я совсем забил, стал носить чёрный шнурок, как Витя завещал, вставил серьгу и выбрил виски.

Короче, со скрипом приняв в четвёртом, в шестом классе меня из пионеров попросили, торжественно, на линейке, перед всей школой, после зачтения моих грехов, под барабанный бой я сдал изжёванный и разрисованный галстук, предварительно высморкавшись в него на прощание, и остался с иконостасом значков, в котором «Black Sabbath» уже был заменен на «Sex Pistols» и дополнен «Depeche Mode».

Вышел какой-то указ, что детям у нас даётся бесплатное, но не обязательное среднее образование, в восемьдесят восьмом году, что ли, это было. Для меня это означало, что разрешили выгонять из школы раньше, чем закончишь восьмой класс, на улицу, а не в подростковую колонию. В первый же год учителя сразу решили избавиться от наиболее «одарённых» и засидевшихся. Я тогда не учился, был панком, несколько раз пил грузинское вино и пробовал наркотики, при этом был спортсмен, который периодически избивал одну половину класса и держал в напряжении вторую. Короче, поехал я в путягу № 24, что на Малом проспекте родной Петроградской. Компания там собралась аховая: Школа имени Достоевского. Но обо всём по порядку.